

Революционное выступление

“Смерть Таирова” Бориса Бланка

24.03.04.
Кучыгура, -2004-18-24 марта.-с. 12
Жанров Сергей?
(ангел)

Казалось, что Борис Бланк бесконечно снимает свой фильм “Смерть Таирова” (хотя, как выяснилось, чистое время работы составило семь месяцев). Уже так давно прошла первая информация о том, что он взялся за сложную, трудноподъемную тему. Такие редко удаются. То, что он ее выбрал, понять можно. Понятно и отчего долго работал – все-таки персонаж серьезный, да и до истинной правды стоило дойти не одной лишь интуицией, необходимы были факты. Помню, в ГИТИСе увлекались Таиловым многие, писали курсовые, зачитывались мемуарами его музы Алисы Коонен, но полной правды о том, что же случилось с Камерным театром, не знали. Был театр и не стало. Почему? Только годы спустя туман рассеялся, появились публикации о том, как все на самом деле было.

Зная творческий путь Бориса Бланка, его эстетику и пристрастия, а также работы даже не режиссера, а больше художника, вполне можно было быть уверенным, что уж Бланк-то бредил Таиловым годы. Что и объясняло выбор героя для нового фильма.

Выяснилось же, что погружение в материал началось слишком поздно и стихийно (обнаружил фото Таирова с актерами в книге критика Эфроса у друга).

Первоначально Бланк видел в роли Таирова Юрия Петровича Любимова. Казалось, что он более всего близок этому образу. Как скажет сам Бланк, “остальной театр – идеологический, и какие бы гомосексуалисты ни приходили в него, они все равно

будут делать идеологический театр”. Интересно, кого это Бланк имел в виду? В любом случае он хотел, чтобы именно Любимов поставил на экране знаменитый таиловский спектакль “Принцесса Брамбилла” по Гофману. Но Любимов заболел, его заменил Михаил Козаков. И уже сам Бланк поставил “Принцессу Брамбиллу”. Как уж там складывались взаимоотношения в съемочной группе – Бог весть (измотали друг друга изрядно). Кино – не менее сложная в плане взаимоотношений творческих людей штука, чем театр. А уж то, что происходит за кулисами, Бланк постарался запечатлеть во всей неприглядной красе.

В “Смерти Таирова” есть эпизоды, которых в действительности не было. Авторы фильма открыто заявляют об этом. Сценарий написан Павлом Финном. О вольностях можно вслух и не говорить, они так очевидны – все эти временные перестановки.

“Принцесса Брамбилла”, как известно, была поставлена Таиловым в 1920 году. Авторы фильма перенесли ее в год 1949-й. Спрашивается, зачем? Теперь получается, что именно “Брамбиллой” была поставлена точка, и театр закрыли. На самом деле Таилов ставил после этого много чего, включая пьесу о челюскинцах, прочие незначительные сочинения. Проблемы начались после комической оперы “Богатыри” Бородин, которую признали искажающей историю и идейно порочной. Последним поставленным спектаклем оказались “Актеры”, написанные непрофессиональными драматургами и по-

священные героической борьбе работников театра в Симферополе в период фашистской оккупации. В марте 1949 года прошла премьера. А занавес Камерного театра закрылся в последний раз 29 мая 1949 года на фирменной таиловской “Адриенне Лекуверр”. Прошло чуть больше года, и не стало самого Таирова.

“Брамбилла” – выигрышный постановочный вариант, очень живописный и очень таиловский. Но это, если угодно, как матрешки с водкой, своего рода упрощенный подход на сей раз к театральному явлению. Не все так просто и прямолинейно, драматургия жизни и сцены была причудливее.

На экране возникают документальные кадры, их, правда, совсем немного. И вот мы видим Книппер-Чехову, она произносит какую-то речь. А далее персонажи хоть и реальные, но вполне художественные. В роли товарища Сталина появляется Алексей Петренко. Сталин все время выясняет, куда это подевались талантливые режиссеры. Кому-то ведь надо ставить спектакль к 70-летию вождя. Спрашивает у Ворошилова, эдакий шутник, о Михоэлсе, а тот в 48-м году погиб (“Какой неосторожный еврей, нашел время попасть под машину”). Кого ни назовет товарищ Сталин, того уж нет на Земле. Дошел черед до Таирова. Ворошилов радостно крикнет: “Живой, Иосиф, Таилов, живой!”. Почти трагифарс. Именно тут появляется нечто, что могло бы составить прелесть картины. Читка на труппе некой пьесы, написанной самим Сталиным, возможно, – лучшая в фильме. Под облож-

кой – пустота, чистые страницы, но они озвучиваются, и люди даже реагируют на них. Таилову перепадет орден от благодарного автора, что не помешает печально завершить круг жизни. После читки будут танцевать. Коонен образует пару со Сталиным. Гофманиада, как и было сказано, но недосказано на экране. Интересно, что сама Коонен когда-то описывала читку “Оптимистической трагедии” у наркома просвещения Бубнова, где присутствовали Ворошилов, Буденный, представители высшего военного командования. Читал сам Всеволод Вишневский. И пафосные описания Коонен выдержаны в лучших традициях “дела партии”.

Жизнь Таирова в искусстве, по Бланку, – какое-то папье-маше. Неправдивая, вычурная история. Ставил человек спектакли, не переставая самолюбоваться, за что отдельное спасибо М.Козакову, наградившему Таирова неисчерпаемым нарциссизмом.

А жизнь эта, если не по кино о ней судить, была полна творческих мучений и терзаний совсем другого рода, не миновала режиссера и травля. Но, как скажет новый директор театра в облике пуленепробиваемого Алексея Гуськова, чужой своим не бывает. Таилов и станет чужим.

Алла Демидова в роли Алисы Коонен априори кажется беспронизышным вариантом. Но тут она не живет, а позирует, вольно или невольно повторяя фирменный стиль и жест Коонен. Когда она появляется с котиком в руках, становится весело, потому как вспоминается Кира Муратова с рассказом о том, как трогатель-

но Алла Сергеевна просила ее посмотреть участие любимого своего кота в фильме “Настройщик”. Появляются кошки, то белая, то черная – эффектный, дополнительный элемент декора а-ля Коонен. Интересно, что есть известная фотография Алисы Георгиевны с кошкой в руках, сделанная года за три до ее смерти. Демидова стала у Бланка роскошной статисткой с флером демонизма. Никаких мук и боли, холодная красота и скульптурность. Она – как изваяние. Между тем, судя по воспоминаниям, Коонен была женщиной темпераментной, не аморфной.

Роль Ванина, возглавившего театр после Таирова, колоритно сыграл Фарик Сукачев. Сделал это смело и талантливо. Пока он поет под баян “Раскинулось море широко” на встрече вождя с мастерами культуры, снимают вывеску “Камерный” с печального здания на Тверском бульваре, проклятого в свое время Коонен. Многие до сих пор считают, что проклятие не снято. “Хорошее революционное выступление”, – песню Сталин оценит. И Ванин (имя его, правда, не упоминается) станет во главе театрального дела, а на его режиссерском столе, за которым еще вчера сидел Таилов, будет красоваться баян.

Далее пойдут титры: Таилов умер в 1950 году в психиатрической клинике. Коонен пережила своего мужа и режиссера на 24 года. Тот, кто понятия не имел, что это за люди, с тем и покинет кинозал.

Светлана ХОХРЯКОВА